

Рашид

Али и Разум

18+

Рашид Хадукаев

Али и Разум

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Хадукаев Р. И.

Али и Разум / Р. И. Хадукаев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Война лишила Али всего родного — и даже простого безмятежного детства. Трагическое одиночество приучило его к глубокому созерцательному взгляду. Он находится в постоянном процессе поиска и пытается понять, в чем его призвание, в чем смысл и цель его жизни; ему хочется постигнуть тайны людских мотивов и поступков. И в один прекрасный день в нем открывается невероятная способность, помогающая ему разобраться в себе и остальных.

Али и Разум

1

Тускло освещая комнату и нарушая царящее в ней безмолвие, на смартфоне заиграла мелодия. Али резко открыл глаза, и только спустя секунды его Разум смог оценить реальность. Мелодия была сигналом будильника, поставленного им на 6:30. Быстро вскочив с постели, он подбежал к стулу в дальнем углу комнаты – поставленного им вдали от кровати с той целью, чтобы, преодолевая путь до будильника, окончательно прогнать остатки сна, – взял телефон и отключил противный звук. Вернувшись обратно к постели, он сел и с серьезно-задумчивым видом начал вспоминать свой сон. Ничего толком не вспомнив, Али пошел в ванную, умылся, сделал ритуальное омовение, вышел, встал на молитвенный коврик и помолился.

Али вот уже как третий год проживает один в московской однокомнатной квартире, расположенной на седьмом этаже десятиэтажного дома. Учится же он – по настоянию дяди – на ненавистном ему экономическом факультете одного из столичных университетов и четвертый год подряд посещает, слушает и заучивает нелюбимые лекции. Самого же его больше притягивают науки иного порядка, в частности, философия, психология и история. Поэтому часть времени он посвящает учебным дисциплинам, а часть – интересным. В иных же случаях, в минуты жажды отдушины от строгих дум, он берется за художественные произведения.

Все его расходы, включая учебу, оплачивает дядя– Исмаил, проживающий здесь же, в Москве, и опекающий его с того самого момента, как он переехал в столицу России лет шесть тому назад.

До рассвета оставалось еще примерно час времени. С тех пор как Али поселился в этой квартирке, он неизменно следует графику, им же самим составленному. Так, согласно его суточному расписанию, после утренней молитвы он должен посвятить чтению книг от одного до двух – двух с половиной часов, в зависимости от времени года. В основном утренними книгами были философия, психология и история; и лишь в редких случаях – во время сессии – эти книги заменялись на учебные.

Али прошел на кухню и, через некоторое время, вернулся с чашкой кофе в руке к своим книгам. Раскрыв одну из них, он погрузился в чтение, временами потягивая бодрящий напиток. Пока он читал, сумерки за окном незаметно рассеялись и с улицы начали доноситься звуки городского оживления. Когда он оторвался от книги, то заметил перед собой пустую чашку с небольшим остатком давно остывшего кофе и светлый проем окна. Али взглянул на часы. Полтора часа пролетели незаметно. Закрыв книгу, он выключил свет и, слегка позавтракав, пробежался по учебным лекциям, после чего оделся и вышел. На дворе стояла свежая, морозная московская зима. Пройдя пешком десять минут, Али скрылся под землей – в метро. Проехав несколько станций, он вынырнул и вскоре достиг храма науки. Зайдя в аудиторию, он прошелся между полупустыми рядами и сел за четвертой партой. До начала занятий оставалось десять минут.

Али был человеком, склонным к глубоким размышлениям, мечтам, анализу, обдумыванию всевозможных жизненных ситуаций, сюжетов прочитанных книг, услышанных рассказов. В его голове постоянно происходила какая-то операция, какой-то сложный внутренний процесс, который он и сам не всегда был в состоянии понять. Находясь среди людей, он любил наблюдать за ними, за их жестами, мимикой, повадками, вникать в смысл ими произносимых слов и всеми этими наблюдениями определять характерные особенности людей; он хотел угадать человека и понять мотивы его поступков. Али находился в состоянии непрерывного анализа окружающей действительности, в ходе которого он пытался уловить некую всеобщую особенность человека, выявить самое ядро его интересов и психических особенностей. Он буквально был подвержен какой-то жажде познания людей и жизни, желанию понять, что ими движет в их устремлениях, словно хотел вывести некую общую формулу человеческой природы. Эта страсть, бессознательно зарожденная в нем в годы военного детства, по мере его

взросления принимала формы необъяснимой осознанности. И чем больше он в этом постигал, тем сложнее ему казалась загадка человека.

Вот и сейчас, как почти каждый день, он был занят этой внутренней работой. За годы учебы Али довольно хорошо успел узнать и изучить своих сокурсников. Слева, у окна, сидели две подруги, Оля и Вика; постоянно веселые, они шушукались вместе, а потом громко хохотали, разливая в аудитории атмосферу, которая на лицах одних вызывала раздражение, других – непонимание или забавную ухмылку. В них не было ничего примечательного, и Али не стал применять в отношении них свои когнитивные способности. За второй партой в среднем ряду сидели Наташа и Андрей, наполовину повернувшись к задней, третьей парте, которая, в свою очередь, была занята Верой и Катей. Вся эта четверка походила на душевных близнецов, с типичными тривиальными интересами и взглядами на жизнь. Был еще парень Виталий – самый тихий и нелюдимый студент всей группы, если не сказать всего университета. В своей казавшейся болезненной замкнутости он был как не отмира сего. Никто не замечал ни его отсутствия, ни присутствия. Он был для Али (который, кстати сказать, и сам не отличался особой стоворчивостью) интересен дольше всех, но, однако, спустя некоторое время его интерес к нему тоже пропал, как и ко всем остальным. Однако в группе был один объект, вызвавший у Али познавательное возбуждение интеллекта, появившийся дня три тому назад. Это была новенькая, Аня, вышедшая из академического отпуска, взятого ею в прошлом году в другой группе. Она пока была молчаливой, и иметь о ней какое-либо представление было весьма затруднительно. Подперев ладонью голову, Али начал наблюдать за ней сзади. Объект его интереса сидел за второй партой справа, в то время как Али – за четвертой в среднем ряду, и поэтому он видел лишь ее затылок и часть левой щеки. Время от времени, когда Аня, оторвавшись от телефона, поворачивалась к группе, ему открывался весь ее левый профиль.

Тем временем в аудитории звучали слова настолько привычные, что уже казались такими же естественными, как и шум легкого дождя, и от этого было ощущение, что там тихо. Время от времени открывалась дверь и кто-то из группы со словами «Привет!» заходил в аудиторию и опускался на стул за одной из парт. В беседах приглушенно звучали слова «... новые туфли...», «... купила...», «... телефон...», «... фильм...», «... я был...», «... я ходила...» и так далее, и все это сопровождалось несмешными шутками и невеселым смехом. За две минуты до начала занятий в аудиторию зашел взрослый мужчина советско-профессорского вида, поставил сумку на стол, после чего сам грузно опустился на стул. Это был преподаватель по истории экономики. Затем он раскрыл свою папку, чуть покопался в ней, после чего снова закрыл, так ничего и не взяв.

– Итак, – сказал он, окинув аудиторию заумным взглядом, – сегодня очень важная лекция, которая пригодится вам на экзаменах. Так что, надеюсь, отсутствующих нет. Все пришли?

Взращенный советской дисциплиной, он не мог этого не спросить. Однако, не получив ответа на свой вопрос (студенты-то выросли в пространстве постсоветском), обращенный ни к кому конкретно, он решил сузить круг ответственности за ответ на свой вопрос, и спросил:

– Где староста?

– Я здесь, – откликнулась Юля и сразу же, поняв, что от нее требуется, как школьница, доложила:

– Отсутствуют Алексеева и Сидоров. Алексеева болеет, а Сидоров сказал, что задержится на полчаса.

Андрей Сергеевич недовольно пробормотал что-то в ответ и начал говорить о новой теме. С напускной важностью старых университетских преподавателей, которая призвана ежеминутно напоминать «глупым» студентам их личное над ними превосходство, он начал читать лекцию.

Он рассказывал по аудитории то влево-вправо поперек доски, то по рядам парт и монотонным голосом спокойно раскрывал содержание темы. Али сидел, подперев ладонью голову

таким образом, что кончики слегка раздвинутых пальцев левой руки касались его левого виска. Он все еще рассматривал новенькую, которая копалась в телефоне.

И вдруг в этот самый момент он четко услышал, как кто-то сказал: «Да ладно, тоже мне, нашел проблему». Али резко выпрямился и стал, вертя головой, оглядываться вокруг – и даже назад посмотрел, хоть и знал, что позади него никого нет. Успокоив себя тем, что ему это всего лишь почудилось, он вернулся к своему прежнему состоянию.

Мысли, протяженность лекции и монотонный голос, с которым она читалась – все это спустя некоторое время усыпляюще подействовало на него. То его веки опускались, то поднимались, то он проваливался в сон и оказывался в каких-то странных местах, то возвращался в реальность, в аудиторию со студентами и читающим нудную лекцию пожилым человеком. И вот в очередной раз, закрыв глаза и пока еще находясь в промежуточном состоянии полубытья, когда сознание медленно и незаметно уступает бессознательному – сну, ранее звучавший голос спокойно начал говорить: «Ее внешний вид, манера сидеть и черты лица явственно свидетельствуют о том, что она не обременена интеллектом». Как только Али открыл глаза, голос умолк. И он снова стал настороженно озираться вокруг. Но на этот раз он был не так сильно озадачен, как десять минут назад, потому что теперь это уже можно было списать на голос из сна.

Взглянув на новенькую еще разок, он, как ранее, навалился на руку и закрыл глаза. Минуту спустя знакомый голос быстро выпалил: «Сидит, наверное, в одной из соцсетей и читает глупые статусы или не менее глупые сообщения. Она воплощение современной молодежной банальности. Не занимай меня вещами бессмысленными».

Али вздрогнул, открыл глаза и вновь стал рассеянно оглядываться по сторонам. Голос, как и прежде, умолк, как только он пришел в себя. В этот момент прозвенел звонок – пара закончилась. С трудом просидев еще две пары, но уже без «голоса», Али вышел на улицу.

Стоя перед зданием университета, он думал, куда ему податься. У него был обычный выбор из трех пунктов:

Пойти домой, покушать, отдохнуть и взяться за книги.

Погоулять и посидеть в парке, по пути перекусив в какой-нибудь закусочной.

Встретиться с друзьями.

Пока он стоял и думал, решение само пришло в пользу более редкого, третьего пункта. Ему позвонил Тимур и предложил приехать в торгово-развлекательный комплекс «Европейский», сказав, что Умар тоже сидит рядом с ним.

Али, Умар и Тимур – это представители трех разных категорий молодых чеченцев, проживающих в Москве. Чтобы узнать, что есть такие категории, Али понадобилось некоторое время, когда он впервые попал в этот мегаполис.

Когда он только приехал в Москву, а случилось это, как уже было упомянуто выше, лет шесть тому назад, он попал в среду беспечных подростков с узким кругом интересов и нехитрым образом жизни. Вначале это в нем вызвало удивление и даже какое-то резкое отторжение. То, что он видел здесь, разительно отличалось от всего, что он знал доселе. Его представление о жизни, времени, людях – все было другим, нежели здесь. И все же он понемногу привык, а спустя какое-то время начальная контрастность для него и вовсе исчезла. Однако на исходе второго года столичной жизни и накануне своего студенчества обычная жизнь московского подростка ему наскучила: он окончательно понял, что это не его. Тогда Али записался в спортивную секцию. В спортзале встретился и подружился со многими земляками-чеченцами. Это были правильные ребята. И правильность их заключалась в том, что они не употребляли алкогольные напитки, не курили, занимались спортом и регулярно по пятницам ходили в мечеть. Али понял, что это и является его кругом. Он быстро подстроил свой образ жизни под их, и легко вошел в колею столичной жизни в новом качестве.

Потом, чуть позже, он сблизился с еще одной прослойкой своих земляков. Это так называемые «бродяги», приехавшие покорять Москву. То были истинные представители «потерянного поколения» конца XX века, детство которых, как и детство самого Али, застряло в вакууме между двумя российско-чеченскими войнами. Многие из них, впервые приехав в Москву, начинали с работ на стройплощадках. Но затем перед их взорами открывалась другая жизнь, жизнь достатка и роскоши, что бесстыдно и заманчиво демонстрировалось повсеместно дорогими машинами на проезжих частях, элитными ресторанами, ночными клубами и бесконечными рассказами и легендами, повествующими о том, как легко и просто всего этого достичь. На этом фоне будущие бродяги считали свое горское достоинство ущемленным и начинали испытывать презрение к тому, чем они занимались, – к стройке, параллельно с этим убеждаясь в мысли, что в этом мегаполисе и среди этого общества не составит особого труда быстро и легко разбогатеть, ведь здесь везде крутятся большие деньги.

Это поколение пережило две войны, оно закалено страхом, смертью близких, лишениями. В то время, когда их сверстники в других городах и странах игрались водяными пистолетами, они уже имели опыт стрельбы из боевых автоматов и пистолетов, а их ранней забавой были игры с боеприпасами, которые они находили в блиндажах и городских руинах после войн. Также все еще были свежи на слуху легенды о былом могуществе чеченской мафии в Москве в начале «лихих девяностых».

Основной вид деятельности бродяг – отбивание долгов, «крышевание», вымогательство, грабеж. Кража среди них, особенно мелкая, считается делом низким и даже постыдным. Но также не возбраняются и законные способы наживы, если такие имеются. Подобные занятия на территории государства, бомбы которого падали на их дома годами, унеся жизни их родственников и знакомых, не казались их Разуму и морали, еще в детстве испытанным горестными войнами, чем-то предосудительным.

В результате Али подружился с некоторыми из этих ребят. Несколько раз в качестве вызванного помощника участвовал в стычках, в которых «заработал» перелом двух ребер, многократно разбитое лицо и несколько посещений отдела полиции, тогда еще именовавшейся милицией.

Однажды, после того как дядя в очередной раз приехал за ним и забрал его из «обезьянника», как именуют в народе следственный изолятор, они сели в машину и выехали из участка, влившись в бесчисленные потоки машин. Али чувствовал себя очень неловко перед дядей Исмаилом. И то, что Исмаил не проронил ни единого слова с момента их встречи, лишь усиливало неловкость момента. Машина остановилась напротив одного из элитных московских ресторанов. «Выходи», – сказал сухо Исмаил и вышел из машины. Али проследовал за ним.

День был будничным, а час – довольно поздним, и поэтому внутри было мало народу. Они сели за дальним столиком возле окна. За окном мерцали густо светящиеся фонари движущихся машин, что вместе с фонарными столбами рассеивали тьму ночи. Томительное молчание и недовольно-серьезное выражение лица дяди все еще пребывали в неизменности.

Исмаил был человеком справедливым и добрым той сдержанной добротой, которая проявляется без игривой мягкости. Такие люди имеют обыкновение проявлять акт заботы в той строгой форме, в какой иные – акт наказания. Если Исмаил, протягивая тебе деньги, говорит: «Бери», то это выглядит так же, как если бы грабитель, наставив на тебя пистолет, сказал бы: «Гони бабки». И ты в той же мере не можешь отказать первому, как и второму. Но ты всегда уважаешь личность, оказывающую по отношению к тебе ту заботливую строгость, которая не терпит возражений, когда речь идет о твоём благополучии, и понимаешь, что за его твердой оболочкой суровости скрывается нежная любовь. Подобных людей, испытывая перед ними благоговейный страх, как правило, и любят, и уважают. И именно такие чувства, чувства почтительного трепета и благодарности, испытывал к дяде Али. К тому же авторитет Исмаилу придавало и его прошлое, о котором Али узнал здесь от посторонних людей. Исмаил был не

последней фигурой в системе чеченской мафии в начале девяностых. Но, однако, его участие в мафиозных структурах, как говорят, было коротким. Он, воспользовавшись подвернувшимся случаем, быстро перешел на легальный бизнес. И все почтенные люди, которые пересекались с ним в деловых путях, имели сказать о нем лишь похвальное слово.

Спустя некоторое время подошла официантка с двумя папками меню, разложила их перед каждым из них и удалилась. Исмаил взял меню, развернул его и, как-то небрежно просматривая наименования различных блюд, строго сказал:

– Возьми и выбери себе что-нибудь.

– Спасибо, я не голоден, – робко ответил Али.

– Бери, бери! Ты ведь там провел восемь часов. Не думаю, что менты тебя хорошо кормили, если вообще кормили, – спокойно сказал Исмаил, не отрывая глаза от меню.

Али послушно взял папку, прошелся по нему глазами, закрыл и положил обратно.

– Выбрал? – спросил Исмаил.

– Да.

– Хорошо. И что же?

– Кофе и штрудель.

– Гм! Ну ладно.

Исмаил подозвал официантку и, когда она, держа в руке небольшой блокнот и ручку, подошла, сказал:

– Принесите нам, пожалуйста, вот это. – Он провел пальцем по странице меню сверху до половины листка, потом перекинул страницу и, так же проведя пальцем с середины до самого конца по названиями блюд, сказал: – И это.

– Извините, – непонимающе сказала официантка, вам...

– Да, – вежливо прервал ее Исмаил, – принести нам, пожалуйста, все, что у вас есть из того, на что я вам только что указал.

– Хорошо, – сказала официантка, сделала пару заметок в своем блокноте и начала удаляться.

– И да, – обратился к ней Исмаил и, когда та приостановилась и повернулась, сказал:– Принести по мере приготовления. Мы очень голодны.

– Хорошо, – сказала официантка еще раз и ушла.

Минут пять без движения и слов понаблюдав улицу через витрину ресторана, Исмаил, не отводя взгляда от стекла, спокойно начал говорить.

– В тысяча девятьсот шестьдесят третьем году, когда я родился, прошло уже шесть лет с того времени, как нам было позволено вернуться на родину из ссылки, куда, как ты знаешь, зимой сорок четвертого по приказу Сталина сослани весь наш народ. А твой отец родился в ссылке, и, когда мы вернулись, ему шел восьмой год. За те тринадцать лет нашего отсутствия на родной земле многие дома чеченцев были заселены русскими и представителями некоторых других национальностей. Ведь Сталин не намеревался позволить нам вернуться через тринадцать лет. Да он и не позволил бы, если бы дожил. Многие по возвращении обнаруживали в своих домах семьи, которые считали, что это уже их дома. Происходили стычки, ссоры и даже убийства. Многих, конечно, все же выгнали. Но у нашей семьи была другая ситуация. Во время выселения у отца в качестве дома было небольшое жалкое строение из глиняных кирпичей. Жилище это было настолько невзрачным, что туда никто и не стал заселяться. И за тринадцать лет заброшенности оно почти совсем развалилось. Когда наша семья вернулась домой, нашим с тобой отцам приходилось ездить в лес, срубить деревья, точить, пилить и использовать их для строительства дома. Помогала им в этом только мать. Пока длилось это строительство, их настигла зима, к концу которой они и завершили постройку подобия дома, в котором позже появлялись на свет, жили и росли Идрис, Зулихан и я.

Твой отец был приучен к трудностям с раннего детства. А я был лентяем...наверное, потому, что мне не довелось так страдать, да и берегли меня, как младшего. И берег, в первую очередь, твой отец. Он умел беречь всех, кроме себя самого. Он был из той породы трудящихся и добродушных – хоть характер у него и был тяжелый – людей, постоянно заботящихся о благополучии своих близких и родных, а сами безропотно проживающих нелегкую жизнь. А я был из той породы, которым все доставалось слишком легко и которые поэтому считают, что так и должно быть, что другие обязаны создавать мне эти условия и что это им даже должно быть в радость. Когда ты не видишь, какого труда стоит твоим близким и родным создать тебе хорошие условия, тогда ты и благодарным не бываешь. И лишь спустя какое-то время ты осознаешь, на какие жертвы они шли, чтобы ты находился в тех хороших условиях, когда ты уже можешь пренебречь их трудами и поддержкой. И тебе очень повезло, если ты успеваешь это понять и отблагодарить их за это до того, как их совсем не станет... Думаю, я успел кое-чем его отблагодарить. В начале девяностых, когда у меня здесь все шло хорошо, я купил ему дом в Грозном, в котором вы жили, хоть сам и ютился здесь в однокомнатной съемной квартире... Но все же я чувствую себя виноватым и в долгу перед ним, ибо всем, что у меня есть, я обязан твоему отцу. Он работал на стройках, «шабашил» по всему Союзу, чтобы я мог без материальных забот учиться в одном из лучших университетов Москвы... Помню, как сильно он обрадовался, когда узнал, что я окончил его с отличием.– Исмаил умолк и посмотрел на улицу, чтобы дать нахлынувшим чувствам успокоиться и отойти, а затем продолжил: – Когда началась Первая война, я предложил ему и Идрису (второй дядя Али) переехать сюда. Тогда дела у меня, как в целом и по всей России, были не очень, и я по-прежнему жил в своей съемной однокомнатной квартире. Но если бы они приехали, я нашел бы средства снять еще одну квартиру. Но даже если бы и не нашел, то нашел бы для себя другое место, поселив вас там... Я очень долго его уговаривал, просил хотя бы вас прислать. Но он принципиально не соглашался. С одной стороны, он боялся, что мне будет трудно, а с другой – не хотел никуда уезжать... Да, смерть, судьба и все такое... никуда не убежишь, конечно. Нам всем чрез это пройти. Но все же жалею, очень жалею и считаю себя перед ним виноватым, что не поехал в Грозный и не выволок его вместе с вами оттуда, что хотя бы не постарался... И вот его нет, нет многие годы. Но есть его единственный сын, сын моего ныне покойного старшего брата – есть ты!.. Послушай меня, сынок. Я хочу, чтобы ты добился большего, чем мои собственные дети. Говорю это прямо, потому что уверен в искренности своих слов. И мне приятно иметь такое желание не только потому, что ты сын моего покойного брата, но и потому, что вижу в тебе достоинство твоего отца.– Исмаил снова выдержал паузу, только на этот раз это уже была пауза размышления, а не успокоения, как в первый раз, и затем сказал: —Кто такой рожденный ребенок?

В этот момент пришла официантка с подносом и стала аккуратно раскладывать на столе перед ними тарелки с блюдами. Исмаил умолк и стал в молчаливой задумчивости наблюдать за ее движениями. Когда же она закончила и удалилась, он сказал:

– Кушай.

Али взял вилку и нож и стал неспешно пробовать одно из блюд.

–Так вот, – продолжил Исмаил прерванную мысль, – кто такой ребенок? Это нулевой уровень знаний, нулевой уровень опыта. В нем пока есть только инстинкты, необходимые ему, пока он будет набираться знаний и опыта. Итак, ребенок – это всего лишь подобие глины, из которой родители и окружающие его, подобно гончару, могут лепить угодные им фигурки. Но чем больше проходит времени, тем сложнее лепить, потому что глина начинает затвердевать, в результате чего перестает поддаваться лепке. Также и человек – со временем, набравшись некоторых знаний, он приобретает свою форму мировоззрения и характера. Тогда уже его бывает сложнее в чем-то переубедить, перевоспитать, ибо его ценности, характер и мировоззрение начинают твердеть и укрепляться. И подростковый возраст – один из этапов значи-

тельного «затвердения» человека. Ты пришел в Москву именно в этом возрасте. И поэтому я не стал особо тебя наставлять, загружать советами, читать мораль. Я, ограничившись лишь некоторыми напутствующими словами, ждал, пока ты сам начнешь видеть, понимать и ошибаться. Ребенку, который еще никогда не обжигался, можно много и хорошо говорить, чтобы он не приближался к печи... Но он все равно тебя не поймет, потому что ему непонятно чувство боли, испытываемое при ожоге. Но стоит ему лишь разок обжечься – и нужда убеждать и уговаривать его не подходит к печи отпадет: он уже будет вырываться из рук и плакать, если кто-нибудь попытается его насильно подвести близко к огню. Это особенность всех людей, а не только детей. Вот я и ждал, пока ты начнешь «обжигаться». Я сухо давал тебе советы, чтобы тебе было над чем призадуматься. Но, повторюсь, не утруждал себя и тебя чтением бесполезных нравоучительных лекций. Ты иногда возвращался домой слишком поздно – я ничего не говорил; я замечал у тебя на лице синяки – но делал вид, что ничего не вижу, и каждый из нас занимался своим делом. Вернее, я делом, а ты в основном ерундой. Когда тебя впервые в отдел забрала милиция, я прождал ровно два часа, потом приехал и забрал тебя. Когда милиция тебя забрала второй раз – я прождал четыре часа и только потом приехал за тобой. На этот раз я позволил тебе сидеть в «обезьяннике» восемь часов. Знаешь почему? Чтобы у тебя было побольше времени подумать и сделать выводы. Чтобы получше почувствовал, что значит провести в тюрьме часы, а что – годы. Я давал тебе слегка «обжигаться», чтобы ты уберег себя от губительных «ожогов» в дальнейшем. – Исмаил сделал паузу, неспешно промочил горло одним из принесенных напитков, а затем сказал: – Но если ты и сейчас ничего не понял, то ты ничего и не поймешь. – Он снова повернулся к витрине. Поток машин значительно поредели. – Знай, – сказал он, продолжая смотреть на улицу за окном, – если тебя еще раз заберет милиция, я уже не стану ждать, а сразу же выеду и постараюсь тебя вытащить. Если заберет десятый раз – то я и в десятый раз приеду и постараюсь добиться твоего освобождения. Если мне для этого придется продать весь свой бизнес, то я и это сделаю, я просто обязан это сделать. Но вопрос не в этом. Вопрос в том, устроит ли тебя самого это?.. Али, я привел тебя сюда, в Москву, лишь для того, чтобы ты был в безопасности, чтобы у тебя были хорошее образование и, в дальнейшем, обеспеченная жизнь. Но если ты скажешь, что Москва тебя портит и ты желаешь вернуться в Грозный, то мне не составит никакого труда купить тебе там квартиру, устроить на учебу, помочь с работой и так далее. Но я хочу, чтобы ты хотя бы окончил университет и получил достойное образование. Потом уже поступим так, как ты того пожелаешь. Ну, что скажешь?

– Спасибо за все, дядя... Как бы я ни поступал, я понимаю и ценю твою заботу и внимание...

– Оставь свою благодарственную речь, – прервал его Исмаил, – и ответь на вопрос.

– Да, я закончу учебу.

Официантка пришла во второй раз и стала бесшумно перекладывать тарелки с едой с подноса на стол.

– Вот и славно, – сказал Исмаил, не дожидаясь, пока она закончит. – Знаешь, а ведь не все так плохо. – Исмаил как-то оживился и даже повеселел. – Примерно неделю назад ко мне обратилась Амина, сказав, что ребята мешают тебе читать книги. – Официантка ушла. – Я порядком удивился и спросил, что за книги ты читаешь. Она не знала. Тогда я зашел в вашу с детьми комнату и увидел твои книги. Знаешь... философия, история, всякие там романы и так далее – это, конечно, тоже хорошо, но мне было бы намного приятнее, если бы это были книги по твоей программе в университете. Но как бы там ни было, я рад, что ты увлекаешься чтением, наукой. Так вот, на второй день после этого случая, сидя у себя в кабинете, я все это внимательно обдумал. Человеку, который читает, учится, непременно нужно мыслить, чтобы понимать и Разуметь то, что он читает и изучает. А чтобы мыслить, нужна тишина и покой. В нашей квартире у тебя таких условий, понятное дело, нет. И я решил, что тебе нужно отдельное жилье. Единственное, чего я опасался, это что ты и, может быть, некоторые наши родствен-

ники... да и посторонние, пожалуй, тоже, подумают и даже будут говорить, что я выжил своего племянника из собственной квартиры, что ты стал мне лишним и тому подобное. Но в последующие дни наблюдения за тобой я убедился, что покой тебе все же необходим. Короче, у меня тут есть еще одна квартирка. Она пустует. Все необходимая мебель там уже имеется. Я предлагаю тебе перебраться туда. Но если тебе удобнее жить с нами, то пожалуйста. Итак, решать тебе. Что ты выбираешь?

– Дядя, я... Если я буду жить отдельно, то, думаю, и вам будет легче...

–Постой! – прервал его Исмаил, – вопрос не о нас. Скажи, тебе будет удобнее учиться, если будешь жить один? Ответь мне: да или нет.

– Да, но...

–Никаких но. Решено! Вот.– Исмаил достал из внутреннего кармана пиджака ключи и блокнот. Затем развернул блокнот, вырвал из него листок и передал его Али вместе с ключами.– Это ключи от той квартиры и адрес. Завтра же поезжай и осмотришься. Если тебя все устроит, можешь заселяться когда тебе угодно.

–Спасибо!

– Ерунда. Что-то ты мало покушал. Что так, а? Болен, что ли?

–Нет, я прилично поел. Просто ты слишком много заказал.

– Это не много. Когда перекочуеться на квартиру, будешь почаще приходить к нам обедать и ужинать, понятно? Как минимум два раза в неделю чтобы кушал у нас. Это приказ! А так можешь приходить хоть каждый день, буду только рад. Вот еще.– Исмаил аккуратно отодвинул левую половинку пиджака, сунул руку во внутренний карман, вынул банковскую карточку и протянул Али.– Вот, держи. Каждый месяц я буду переводить на нее деньги – на питание и карманные расходы. Деньги за этот месяц я на нее уже перевел. Так тебе будет удобнее.

–Спасибо...– Али как-то робко протянул руку и взял карточку. Он был безмерно благодарен дяде, и он вдруг осознал всю свою ответственность перед этим человеком.

–Здесь, Али, нас никто не любит... Да что там нас– здесь никто никого не любит, да и не обязан. Это Москва – место, где все и отовсюду рвутся разбогатеть, прославиться, сделать карьеру. Здесь царствуют алчность, жестокость, предательство и зависть. Все пороки человечества в одном городе. Один человек не может этого изменить. Это система, понимаешь? Система! Нужен некий компромисс. Это не значит, что ты должен быть таким, как все. Тогда ты пропадешь. А если ты пропадешь как личность, то мне и к черту не нужно твое образование и благополучие, потому что в таком качестве оно не устроило бы и твоего отца. Хочешь помогать друзьям? Хорошо, помогай! Но знай, кому помогаешь и как лучше это сделать. И еще, постарайся сначала сам чего-то добиться, тогда у тебя будет больше возможности быть полезным своим близким и друзьям, и твоя помощь тогда будет весомее, чем помощь голыми кулаками. Итак, мой тебе совет: не становись образованным, богатым и эгоистичным подлецом, но и безрассудно-благородным дураком тоже не будь. Выбери нечто оптимально-срединное. Это и есть компромисс. Ты же понимаешь, о чем это я, а?

Али кивнул в ответ.

–Очень на это надеюсь, – сказал дядя.

Затем Исмаил позвал официантку и рассчитался с ней. После чего они вышли и поехали домой.

На второй же день Али с радостью перебрался в новую квартиру.

С тех пор прошло почти три года. Учился Али, как и обещал, хорошо. К милиции больше не попадал. Почти все его время было поглощено чтением книг, учебной и одиночными прогулками в парке. Строго два раза в неделю, как и обещал, он ходил к дяде на ужин. Время от времени встречался с друзьями.

2

–Когда Али зашел в «Европейский», Умар и Тимур сидели за столиком в середине зала.

–Ассаламу алейкум, – сказал Али, пожимая руки привставшим товарищам, и в ответ прозвучали слова «Ваалейкум ассалам».

Умар был типичный бродяга с благородными качествами. Его старший брат, ушедший добровольцем на войну в период Второй войны, погиб в известном сражении в предгорном селении Комсомольское в 2000 году. Отец же его скончался в автокатастрофе, когда Умар был еще совсем ребенком. Таким образом, из семьи у него остались одна незамужняя сестра и мать, более состаренная переживаниями, нежели годами. В Москву Умар приехал года четыре назад на заработки, чтобы прокормить себя, сестру и больную мать. Но на стройке он проработал лишь пару месяцев.

В университете он не учился, книг не читал. Но он был из тех редких людей, что черпают знания из вольной ситуативной жизни. От природы наделенный прекрасным умом и особым восприятием, он делал весьма обстоятельный анализ пережитого– такой, что, имея он желание и владей должным образом словом, мог бы написать прекрасные труды на многие жизненные темы. Но к науке, как правило, такие знания нельзя приложить, хоть они ценны и глубоки в области познания человека и бытия в условиях каждодневной жизни. Он был носителем тех глубоких знаний, которые нельзя черпать ни из одной книги в мире,– уличной психологии и мудрости бродячей жизни. Глубоки эти знания потому, что они черпаются не только Разумом (как это делают те, кто читают книги или слушают лекции), но еще и сердцем и эмоциями, то есть страх риска, гнев, нужда, радость и надежда– все это принимает непосредственное участие в процессе улично-бродячего познания. Реальным переживанием эмоционально подкрепленные знания бывают намного основательнее и шире, чем знания, приобретенные в уютном кабинете или аудитории

И все же носителей таких знаний не принято считать образованными, и не только потому, что их знания ненаучны и что они плохо владеют словом, чтобы посредством него выразить свои глубокие мысли, приобретенные опытом жизни, но еще и потому, что у них нет диплома об образовании.

Однако от людей научно образованных их отличает не только отсутствие академических знаний и подтверждающего их документа, но еще и характер. Несмотря на их хваткий и проницательный ум, быстрое соображение и способность чувствами и мыслями, связав их воедино, глубоко проникать в суть пережитого и испытанного, – несмотря на все это, характер натуры безрассудно бросает их в гущу рискованных дел, о последствиях которых они не любят думать, даже если подсознательно понимают, какими плачевными они – последствия – могут для них оказаться. Вот в этом-то и заключается основное их отличие от первых.

А что касается Тимура, то это был студент-заочник, судьбы более легкой, чем у двух его товарищей – все члены его семьи были живы, а во времена войны он жил в Москве. Когда-то он учился неплохо, но позже из-за усиленных занятий спортом, а точнее – боями без правил, все свое время посвящал тренировкам, учебе отдавая лишь дань формальности. Также его отец, Артур, и дядя Али Исмаил, были близкими друзьями и компаньонами.

–Заказали что-нибудь? – присаживаясь, спросил Али.

–Нет, тебя ждем, – ответил Тимур.

–Официантка! Красавица! Будьте добры, подойдите к нам на минутку, – крикнул Умар.

Через мгновение официантка, поздоровавшись и вежливо спросив, что они пожелают заказать, стояла возле их столика.

– Вы двое у нас редко выходите в свет, так что заказывайте что вам угодно,– обратился Умар к Али и Тимуру. А затем, уже обращаясь к официантке, сказал: – Марина (он прочел ее имя на бейджике, что висел у нее на груди), вы, я так понимаю, здесь новенькая, да?

– Да, – ответила та, записывая заказы Али и Тимура.

– Очень рад. Поскольку на мне нет бейджика, как у вас, то разрешите представиться – Умар.

–Очень приятно, – ответила девушка с какой-то сухой вежливостью, на мгновение изобразив натужную улыбку, и, закончив с приемом заказов, удалилась.

–А она милая, правда? – обратился Умар к товарищам, умиленно глядя вслед уходящей девушке.

–Да для тебя все девушки милы, – сказали ему те двое в один голос.

– Да нет, не все, – ответил Умар с какой-то задумчивостью, все еще впившись взглядом в невидимый силуэт уже скрывшейся официантки. – Ну, рассказывайте.– Он переключил взгляд и мысль на своих товарищей, оживился и сел поудобнее. – Что у вас нового по жизни? Какие успехи и достижения?.. Хотя нового по жизни может быть только у меня, а у вас одно и то же: у тебя, Тимур, твой детский спорт, а у Али – книги и учеба. Что может быть нового у людей, живущих такой однообразной скучной жизнью? Ни-че-го!

–Ну так ты поведай нам о своих свершениях и больших достижениях взрослого человека, – смеясь, обратился к нему Али.

– Ну что ж, дети мои, так и быть, расскажу я вам одну историю, произошедшую со мной недели две тому назад. Короче, – Умар подался вперед, опершись на руки, сложенные на столе,– в позапрошлый вторник к нам обратилась одна женщина, по имени Виктория... Кстати, это имя ведь что-то там означало...

– Победа, – сказал Али.

–Что?

– Виктория в переводе с латинского означает «победа».

–А, да, конечно... Хм, подходящее у нее имя... Так вот, дело у нее к нам было довольно банальное – спалить предприятие по производству пластмассовых бутылок, принадлежащее некоему Александру... Кстати, – обратился он к Али, – а у этого имени есть значение?

–Да, – ответил Али, – оно с греческого переводится как «защитник».

–Хм... – сказал Умар с какой-то задумчивостью. – Вот ему это имя явно не подходит, ибо ни черта он не смог ни защитить, ни уберечь. Короче, когда выясняются детали, то понимаешь, что все не так уж и просто. Во-первых, от этого Александра ей не нужны никакие деньги. Ну, знаете, обычно бывают заказы спалить или разгромить чье-либо предприятие, магазин, ресторан и так далее или же прижать лично самого хозяина этих предприятий, если он отказывается отдавать долг или платить дань. Но тут совсем не так. А во-вторых, Александр, заводик которого она пожелала уничтожить, являлся другом ее покойного мужа Владимира... А у этого имени есть значение? – спросил Умар в третий раз у Али, заметив в значениях первых двух имен некое совпадение с рассказываемой им историей.

–Ну, это что-то вроде «властитель мира», точно не помню...

– Ха-ха-ха, – Умар расхохотался во всю глотку. – Не, ну это анекдот какой-то, – сказал он, вдоволь насмеявшись, и, уже пытаясь заглушить порывы смеха, сказал: – Вот этот-то как раз ни над чем и не властвовал, – после чего снова захохотал. – Это надо же, в трех именах сокрыта вся суть этой история. Итак, на чем это я остановился?.. Ах да, короче, этот «Защитник» является другом покойного мужа «Победы», которого зовут...– У Умара снова появились позывы к смеху, которые он постарался сдержать, но, как только произнес «Властитель мира», его прорвало и он снова расхохотался.

–Пока ты веселишься от своего рассказа, мы тут сидим с серьезными выражениями лиц, как два идиота, – сказал Тимур.

–Нет, погодите, вы сейчас все поймете... Я же рассказываю. Итак, женщина делает заказ на уничтожение предприятия, принадлежащее другу ее покойного мужа – казалось бы, стерва, да? – Умар с выжидательной улыбкой обратился к товарищам.

–Нет, почему же? – отвечает Али.– Суть ее предложения выявит мотив. Ибо нельзя и глупо судить о поступке человека, пока не обнаружена причина, толкнувшая его на этот поступок.

– Совершенно верно, – сказал Умар. – Ибо такой мотив у нее был. Когда-то Владимир – это ныне покойный супруг обратившейся к нам Виктории – и Александр – владелец того завода – вернее, теперь уже бывшего завода, были друзьями и в какой-то момент решили открыть общее дело. Инициатива принадлежала покойному Владимиру. Они вложили равную долю и запустили этот завод по производству пластмассовых бутылок. Вначале, Разумеется, дела шли не очень хорошо. Но со временем заказы увеличивались, доход возрастал и предприятие ширилось. В этот подъемный период у Владимира, мужа нашей клиентки, вдруг диагностируют рак, и он ложится в больницу. Александр, соблюдая внешнюю атрибутику дружбы и делового компанейства, навещал Владимира в ранний период его болезни, обещая его супруге, Виктории, всяческую помощь и поддержку. Но когда состояние у Владимира совсем ухудшилось, когда он стал уродливо худым и лысым, а близость его смерти – очевидной, Александр совсем исчез. Когда же Виктория поехала к нему домой и попросила денег из доли ее мужа, сказав, что больному на лечение и ей самой с двумя детьми требуются средства, то... Как думаете, – вновь обратился он к двум сидящим за столом товарищам, – что тот ей ответил? Он сказал, что дела идут очень плохо, но, поскольку Владимир его друг, поможет чем может. Он, рассказывает Виктория, пошел в другую комнату и вернулся – не угадаете – с тремя тысячами рублей. Виктория говорит, что она не взяла эти деньги, а молча развернулась и ушла. А дела в это время у Алексея шли в гору. Виктория позже узнала об этом от одного его сотрудников.

– Да мы иногда обедаем на большую сумму, – сказал Тимур.

– Она же могла через милицию или, как у них это там делается, через суд вернуть долю своего покойного мужа, – сказал Али.

– Нет, не могла. У нее не было юридических оснований. Дело в том, что все предприятие было оформлено на Александра. Короче, еще до того, как они начали это совместное дело, на имя Александра уже была зарегистрирована одна фирма. Поскольку фирма эта существовала только на бумаге, ее Александр и предложил в ход пустить, сказав, что в дальнейшем они все оформят соответствующим образом. Это спасало их от некоторой части бюрократической возни и экономило время, а если к этому еще прибавить их старые дружеские отношения, то отказаться от такого предложения Владимир просто не мог. Так вот, Александр продолжал навещать своего друга в больнице, рассказывать, что дела у них идут не очень, но что тому нечего беспокоиться и так далее, до тех пор, пока Владимир совсем не зачах. Когда Виктория после смерти супруга обратилась к Александру с просьбой передать ей в управление долю ее покойного мужа, то Александр заявил, что ее супруг ничего не вкладывал, что все предприятие строилось и развивалось исключительно на его деньгах и труде.

Официантка принесла заказ.

– Так что мы – вершители добра и справедливости, наказывающие алчных подонков и делающие счастливыми обиженных вдов! – высокопарно заявил Умар, улыбающимся глазами смотря на Марину – официантку, бережно, но быстро раскладывающую тарелки с блюдами на стол.

– М-да, Робин Гуд, благородная у тебя профессия, – пошучивая, сказал Тимур.

Официантка удалилась.

– Но ведь теперь этот Александр будет ее подозревать и захочет отомстить, – сказал Али.

– Нет, баба она умная. Во-первых, она ждала три года, не предъявляя Александру ни единой претензии. Во-вторых, она от безысходности сама с нуля начала заниматься бизнесом и за три года сколотила приличное состояние. Так что «Победа» чиста. А у того «Защитника» мало ли за годы успешной деятельности могло набраться врагов и конкурентов.

– Ну понятно... А что у тебя? – обратился Али к Тимуру.

– Да, как сказал Умар, ничего особенного. Вдов не осчастливил, заводы не спалил. А так, занял второе место на чемпионате России по боям без правил.

– Погоди, а когда это ты успел? – спросил Али.

– И почему нам не сказал? – последовал вопрос Умара.

– Успел на прошлой неделе. Не хотелось отрывать вас от важных дел. Короче, я плохо себя чувствовал, слегка приболел, не был уверен в достойном выступлении. Не хотел позориться, вот и не сообщил никому из знакомых.

– Ну понятно. Что ж, поздравляем! Но мог хотя бы после сказать. Второе место на чемпионате России – весомый повод встретиться и отпраздновать.

– Вот мы встретились и, считай, празднуем, – сказал Тимур.

– А у тебя как? Все еще ныряешь в своих книгах? – обратился Умар к Али.

– Да, в основном на них и трачу свое время.

– Я не понимаю, – сказал Умар, обращаясь к Тимуру и указывая рукой на Али, – вот был же хорошим человеком, а стал как... как женившийся подкаблучник. – Все дружно рассмеялись. – Не, ну серьезно, – продолжал Умар, – как можно так много и долго читать эти книги? Что ты в них такого находишь? Ведь это же всего лишь мысли и фантазии каких-то людей, зачем на них тратить свою жизнь, вместо того чтобы просто прожить ее самому? Пусть с ошибками, пусть не всегда умно и хорошо, с риском, радостью и горечью, но зато сам, свою собственную жизнь, а?

– Я задам тебе встречный вопрос, Умар: а в чем смысл твоего образа жизни? В чем особенность и, если хочешь, радость того, как ты живешь? – спросил Али.

– Если я скажу, что мне нравится то, чем я занимаюсь, то ты тоже можешь сказать, что тебе нравится читать книги. И поэтому я скажу по-другому. Я живу реальной жизнью. Я не сижу в каком-то долбаном офисе за компьютером, выполняя всякие указания противного и ворчливого начальника, в ожидании зарплаты, которой вечно ни на что не хватает, понимаешь? Я общаюсь с разными людьми, я в движении, и, самое главное, я свободен. Да, моя работа сопряжена с риском, но именно это и делает ее привлекательной. Почему, ты думаешь, даже этим офисным белоручкам иногда нравится делать что-то экстремальное? Ну, прыгать с парашютом или карабкаться на какую-то гору? Да потому, что только рискуя потерять что-то, ты начинаешь ценить то, что имеешь. А когда ты ценишь то, что имеешь, ты чувствуешь себя счастливым человеком. В них после риска потерять все появляется радость, что у них есть работа, зарплата и ворчливый начальник. А я так не могу, понимаешь? Я не могу получить разовую дозу адреналина на год и вернуться к сидячему рабочему месту, чтобы потом терпеть прихоти ненавистного руководителя ради одной месячной зарплаты. Вот в этом и заключается особенность моей работы, радости и жизни.

– Ты слишком идеализируешь свой образ жизни, Умар, – сказал Али.

– Идеализирую? Оглянись вокруг, Али, посмотри на этих людей – это же общество потребления, жаждущее получить и приумножить и только на эти цели положившее всю свою жизнь. Смешное и жалкое зрелище. Я просто не хочу, более того – не могу быть одним из них, вот и все.

– Но разве не на то же самое ты тратишь свою жизнь?

– Нет. Я не живу ради вещей, но вещи нужны мне для жизни. Этим я отличаюсь от большинства людей: они наслаждаются не столько самими вещами, сколько тем, что они ими владеют, понимаешь? То есть их радует сам факт наличия у них материальных благ, даже если они ими не пользуются и не собираются пользоваться. Не имея, они желают приобрести, а приобретя – приумножить. А количество, как и страсть к накопительству, не ведают предела. А что касается меня, то я живу каждым кусочком хлеба, что добываю, и лезу за вторым куском лишь тогда, когда первый заканчивается, и пытаюсь добывать эти кусочки так, чтобы совесть меня не очень мучила... А то, знаешь ли, она иногда так достает, что и добытыми кусочками толком не дает насладиться. Я хоть и далек от правильности, но я знаю, что несправедливость мешает душевному покою. Поэтому я, пусть и не из принципов благочестия, а для отменного кайфа

души, предпочитаю справедливость. Конечно, не всегда получается, но когда не получается и я плохо себя чувствую, я хотя бы знаю, за что я расплачиваюсь.

– Но ты выбрал этот способ потому, что так легче... для тебя легче, ввиду особенности натуры и прожитой жизни, зарабатывать деньги. Это твой выбор, и я тебя не осуждаю, но не надо думать, что он уникален. Ты мог бы выбрать огромное множество других путей, где не надо терпеть прихоти начальника в застенках какого-нибудь офиса. Умар, я лишь хочу сказать, что деньги не стоят того, чтобы из-за них рисковать здоровьем, свободой и жизнью... Даже если не обращать внимание на этическую сторону, это как минимум глупо.

– А кто из тех великих людей, о которых ты читаешь в своих книгах, стал бы великим, если бы он сторонился риска? – спросил Умар.

– Я не риск критикую. Величие достигается лишь путем труда и риска. Но надо знать, чем рисковать и ради чего. Здоровье, свобода и жизнь в любом случае стоят выше и стоят дороже денег, и поэтому деньги – ценность слишком дешевая, чтобы их на них менять. Для получения материальной выгоды можно рисковать лишь материальным, жертвуя умственно-физическим трудом. Но не более.

– Не знаю, брат, – сказал Умар с какой-то задумчивостью, затем отхлебнул немного кофе и молча стал смотреть в окно. За столом внезапно воцарилась тишина.

Али так же без слов стал, подталкивая ручку указательным пальцем, крутить чашку на маленьком блюдце. Тимур наконец съел картофельную палочку фри, которую все время макал в соус, пока Умар и Али говорили. Недолгое молчание прервал Умар:

– Правда, теперь я тоже подумываю немного быть типа офисным.

Али и Тимур вопросительно посмотрели на него.

– Телохранителем подумываю поработать, – проговорил он быстро.

– И кого же надумал охранять? – спросил Али.

– Да еврейчика одного. Очень богатого еврейчика – так сказать, олигарха. Один мой знакомый, Аслан... кстати, вы его уже видели, он был со мной, когда мы в прошлый раз вечером в кафе сидели.

– Тот лысый здоровяк с большой бородой? – спросил Тимур.

– Да, он самый. Он предложил мне эту работу. Говорит, что для своей охраны тот ничего не жалеет. Платит прилично. Часто делает хорошие подарки. Одевает в хороших бутиках и угощает в лучших ресторанах – Разумеется, когда сам посещает эти места. Да и вообще, еврей знает, на что деньги тратить. Охрана – гарантия жизни, а уж на жизнь они потратят. Того, кто раньше работал у него в охране, тоже Аслан ему порекомендовал. Вот они обратился к нему повторно – хочет еще раз чеченца взять в телохранители.

– А что стало с тем прошлым? Или он просто решил расширить штат? – спросил Тимур.

– Во время покушения на этого олигарха сыграл в героя – заслонил его собой, в результате чего получил три пули. Жизни его ничто не угрожает, лежит себе в больнице и поправляется. Говорят, спасенный им хорошо его отблагодарил.

– Выходит, он уже «заказанный»? – спросил Тимур.

– Да, и поэтому я буду получать двойную плату... Собственно, из-за этого я и согласился на эту работу.

– В случае чего, тоже собираешься героя-спасителя сыграть? – иронично спросил Али.

– Я не собираюсь у него долго работать. Это так, в качестве отпуска от основной работы. Да и отпуск тем приятнее, что наконец-то смогу свободно боевой пистолет носить. А то месяц назад попался ментам со стволом. Пришлось трехмесячную заначку им отдать, чтобы отвязались. Хорошо, что хоть пистолет был травматическим. Попадись с боевым, денег не хватило бы откупиться и загремел бы на приличный срок. А вот насчет героя сыграть... Делать мне, что ли, больше нечего. Я не для того живу, чтобы умереть, защищая какого-то зажавшегося олигарха... А хотя, кто его знает, как я себя поведу. Человек относится к тебе хорошо, пла-

тит прилично, подарки там делает. И вот жизнь этого человека в опасности... Да, ты знаешь, что все его к тебе хорошее отношение направлено лишь на то, чтобы ты его от души защищал, когда ему будет грозить опасность. Но когда ему грозит опасность, ты об этом как-то не задумываешься... В такие минуты ты ни о чем и не думаешь. Просто все твои привычки, все знания вдруг превращаются в рефлекс, которые срабатывают мгновенно и бессознательно. Поэтому кто его знает, как я себя поведу. Сейчас могу болтать одно, а на деле, возможно, буду защищать его, как брата родного.

–Ого! Хорошо сказал. Неужели за книги взялся? – решил подтрунить Тимур.

–А че? Только вам, ботаникам, дано хорошо говорить, что ли? – улыбнулся Умар. – Мы, бродяги, не меньше вашего в жизни смыслим, потому что мы ее проживаем по-настоящему.

–Ну все! Я его лишь похвалил, а он вон как зазнался, – улыбался Тимур, повернувшись к Али. – Да еще и нас оскорбил, назвав ботаниками. Я чуть ли не с утра до вечера вкалываю в спортзале, и вот я, оказывается, ботаник.

–Никогда не говори глупому, который сказал хорошую вещь, что он сказал хорошую вещь, – колко заметил Али. – Потому что тогда он и вовсе перестанет замечать свою глупость.

Тимур расхохотался.

– Ну вот, заговорили умники, черпающие ум из мертвых книг. Я повторяю: я живу в настоящем мире, и если я что-то понял в этой жизни, то понял по-настоящему. Не книги, не какие-то изнеженные умники в очках мне это сказали, а я сам понял, сам постиг. И такое знание я считаю куда более ценным, чем простые подсказки людей, которые и жизнь-то не видали.

–Умар, – обратился к нему Али, потихоньку возвращая своему лицу серьезность выражения, – есть вещи, которые нужно знать от переживших и понявших что-то, чтобы избавиться себя от многих ошибок и долгого пути поиска. И также, действительно, есть вещи, для понимания которых нужно их на себе испытать. Но, согласись, двое могут пережить одно и то же событие, а понять и сделать выводы по-разному. Но только выводы одного из них могут быть правильными. Как думаешь, почему? Я отвечаю: потому что у него есть хорошая база, обеспеченная теми теоретическими знаниями, что он черпал из книг и уст других людей. Ты спросил, что мне дают книги. Пока я не могу ясно ответить на твой вопрос. Но я могу сказать, что ищу в них ответы на свои вопросы. Да, читая книги, я роюсь в мыслях сотни умнейших людей, доведших свои умственные способности до некоторого совершенства, знакомлюсь с жизнью и словами тысяч величайших личностей, которые вовсе не изнежены жизнью, как ты сказал, а пропущены чрез все невзгоды бытия. Правда, чем больше я читаю, тем яснее понимаю, что эти люди и сами находились в поисках понимания людей и жизни... Но даже их процесс поиска имеет свою ценность. Также есть книги, словно машина времени переносящие меня в прошлые времена и знакомящие с выдающимися историческими личностями, которые добивались успехов в разных областях жизни. Они делятся со мной опытом и знаниями. На страницах этих книг оживает прошлое: войны, победы, трагедии; оживают личности военные, политические, религиозные и научные. Знакомясь с этим прошлым, ты лучше понимаешь настоящее, лучше понимаешь людей... – Здесь Али поднял глаза и увидел на лицах своих товарищей непонимание того, о чем он сейчас говорил, и заключил свою речь следующими словами: – Впрочем, вам, наверное, этого и не понять, так что оставим.

–Да, лучше оставить, – сказал Умар.– Тем более, – улыбнулся он, – я вижу, что ты и сам не совсем себя понимаешь.

Все дружно засмеялись.

– Может, и так, – с задумчивой улыбкой, согласился Али.

–Есть люди, которые изучают и пишут историю, а есть и те, которые ее делают. Я же предпочитаю принадлежать ко второй категории, – не без самодовольства сказал Умар.

–Ну, – отвечал Али, – те люди, которые действительно делали историю, неплохо разбирались и в той, что была сделана другими до них. Но вот что касается тебя, братишка, то я не думаю, что, отбивая долги, тебе удастся принадлежать к когорте творителей истории.

–Таки я не претендую на место в мировой истории. Когда двое собираются и говорят о тебе в твое отсутствие, то ты уже как бы часть истории, – улыбнулся Умар.

–В таком случае, – не без иронии заметил Али, – с полным убеждением могу заявить, что ты, безусловно, часть... маленькая, малюсенькая, молекулярно-атомная частица мировой истории.

– Из всего тобою сказанного я обратил внимание лишь на слова «ты – частица – мировой истории». Спасибо за комплимент.

– Он неисправим, – сказал Тимур.

– Да, наверное, уже и поздно меняться, – ответил Умар. Затем, во время внезапно образовавшейся тишины, сказал: – Ну что ж, ребята, мне пора идти. А у вас какие планы?

–Можешь меня до дома подбросить? – спросил Тимур.

–Не проблема. Ты тоже домой, Али?

–Да.

–Ну, тогда развезу вас по домам и поеду. Марина!– окликнул Умар официантку.– Красавица! Принеси нам счет, пожалуйста.

–Только не вздумай над ней стебаться, – сказал Али.

–Да как ты мог такое подумать, Али,– с притворной серьезностью ответил Умар.

Когда официантка подошла, все трое полезли в карманы, чтобы расплатиться– как правило, каждый за всех.

–Стоять! – крикнул Умар. – Платит тот, кто зарабатывает. А вы: один висит на шее отца, другой – дяди.

В это время Тимур и Али уже успели достать деньги и бросить их на стол. И когда официантка протянула руку, чтобы их взять, Умар, спокойно пересчитывая деньги в своем развернутом кошельке, сказал ей:

–Марина, если ты притронешься к их деньгам...– Тут он вынул несколько бумажек и, пристально посмотрев ей в глаза, серьезно сказал: – То, поверь мне, у тебя будут большие неприятности.

Услышав эти слова, официантка резко отдернула протянутую к столу руку.

–Да шутит он, ни черта он не сделает, —сказал Тимур.– Возьми эти деньги и не слушай его болтовню.

–Марина, разве я похож на шута? – сказал Умар, все еще пристально смотря ей в глаза. – Вот, возьми у меня.

Официантка робко протянула руку, взяла деньги из рук Умара и собиралась уйти, но тут Умар попросил ее минуточку подождать.

– Марина, ты на меня не обижайся. Ты мне очень понравилась. Пусть Бог даст тебе верного и здорового мужа, красивых и умных детей и... и много-много счастья. И еще: сдачу можешь оставить себе.

На лице у девушки появилось что-то вроде улыбки, и, сказав «Спасибо», она удалилась.

–При следующей встрече, – сказал Умар, – она будет испытывать ко мне чувство почтительного страха некоего уважения, но никак не чувство безразличия, как к вам. Вас-то она и не вспомнит. Так что учитесь, салаги!

В это время все начали вставать и надевать куртки, висевшие на спинках стульев.

–Али, – сказал Умар, – если этот университет тебя станет сильно доставать, ты только дай знать...Если француз спалил всю Москву, то неужели чеченец не сможет спалить какой-то университет.

–Спасибо, но проблем у меня там никаких нет. И еще: он был корсиканцем.

–Что? – спросил Умар.

–Говорю, что Наполеон был корсиканцем.

–Да какая там разница.

Когда они вышли на улицу, было уже темно, суетливо двигались потоки машин и людей. Обильные хлопья снега падали на землю, задерживаясь на тротуарах и растворяясь на обработанных реагентами дорогах.

–Эх, Москва, Москва, – остановившись посреди тротуара и шурясь от падающих в глаза снежинок, задумчиво протянул Умар. – Люблю и презираю ее. Она похожа на женщину древнейшей профессии, которую можно добиться либо деньгами, либо силой. Если ты это делаешь деньгами, то все довольны, ты хорош, ты чист перед ней, перед законом. Но если ты делаешь то же самое насильно, ты плохой, ты бандит и насильник. Тебя ищут и позорно сажают в тюрьму... И все в этом мире так: есть деньги – ты делаешь законно то, за что другого проклинает общество и преследует государство.

– И все же ты выбрал носильный способ ее добиться, – сказал Али.

– Да, выбрал. Но лишь для того, чтобы заполучить деньги и наслаждаться ею путем законным. Начать бизнес, пусть и небольшой, и жить в свое удовольствие. Помогать матери и сестре, жениться, породить детей. Да и путешествовать, в конце концов, – заключил Умар.

– А как же жажда адреналина? – улыбаясь, спросил Али.

– Адреналин? Ну, для этого можно и с парашютом прыгать, – с той же улыбкой ответил Умар.

– А разве этого не мало будет для тебя? – сказал Али, напоминая ему его же слова.

– Ну, если будет мало, – сказал Умар, – то буду каждый день прыгать.

– Давайте поедем уже, – обратился к ним Тимур. – А то я уже сыт этими московскими мечтаниями.

–Да, пожалуй, можно и поехать, – сказал Умар.

Они сели в его старенький «мерседес» и покатали вдоль дороги.

3

Войдя к себе в квартиру, Али переоделся в домашнюю одежду и устало повалился в кресло. Он сидел, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, неохотно вслушиваясь во все, что звучало и шумело вокруг. Из-за соседней стены доносились приглушенные звуки семейной ссоры – видимо, опять напились и ругаются. Какая-то веселая компания молодых людей проходила далеко внизу под окном: кто-то что-то сказал, и все дружно захохотали. Тихо тикали часы на стене. Но посреди этих отдаленно-приглушенных звуков Али уловил звуки самые прекрасные, звучанием которых он, казалось, мог бы наслаждаться бесконечно, – то были звуки тишины. Затем послышались другие звуки, звуки слов из ближайших воспоминаний – услышанное и сказанное за весь прошедший день: кто что сказал, как он на это отвечал; кто как сказал, как он это воспринял и так далее.

И вдруг знакомый голос, говоривший еще утром, когда он находился в полусонном состоянии на университетской паре, ироничным тоном вполне реально произнес: «Поздравляю! Весь день пущен коту под хвост!.. Кроме той встречи в кафе...» Али испуганно вскочил с места, подбежал к выключателю и врубил свет. Оглядываясь вокруг, он беспрестанно читал молитвы против дьяволов и джиннов, которые знал наизусть. В комнате воцарилась тишина. Чуть успокоившись, он пошел в ванную, ополоснул лицо холодной водой, вернулся обратно и сел на свой стул возле стола. Сердце его постепенно возвращалось к обычному ритму биения. «Джинн здесь поселился, что ли? Или это был всего лишь сон?» – думал он про себя. Но как только эта мысль завершилась, голос спокойно сказал: «Нет, не сон, не дьявол и не джинн, я твой... Да постой же, куда это ты?» В этот момент Али босиком выбежал из квартиры. «Я твой Разум, идиот!» – крикнул вдогонку выбегающему Али Голос.

Пробежав мимо лифта, Али как бешеный сбежал вниз по лестнице. Выйдя во двор, он повернул направо и устремился к главной дороге. Там, он знал, напротив супермаркета всегда стоят такси. Пока он бежал, Голос продолжал в нем говорить: «Слушай, ты все равно от меня не убежишь. Вернись к себе на квартиру, а то простудишься еще». Но Али ничего не отвечал. Не останавливаясь, он пригнулся и, на ходу зачерпнув рукой снег, стал им протирать лицо, надеясь так еще лучше прийти в себя и избавиться от этого Голоса. «Ладно, – сказал невидимый Голос, – скажу по-другому. Сейчас ты бежишь к тому супермаркету. Напротив него всегда стоят такси. Ты собираешься сесть в одну из них и поехать в ближайший отель. Ты только что об этом подумал, потому что, если поедешь к дяде или друзьям, то не сможешь объяснить им эту ситуацию – они просто посмеются над тобой. Но есть одна проблема, о которой ты не подумал: ты забыл взять деньги и свою банковскую карточку. А на честном слове тебе ни одна гостиница не предоставит номер... Да и таксисты не довезут. Так что этот план пропадает. Лучше постой и послушай меня».

Али остановился. Довод Голоса был убедителен. Он уже начал чувствовать холод и как у него онемели ноги. Почти задыхаясь, он спросил:

– Так ты не дьявол?

–Нет.

–И это не глюки?

–Нет.

–Но тогда кто же ты?– Али наклонился, опершись ладонями в колени, и, сильно дыша, втягивал большие порции морозного воздуха через покрасневшие ноздри и выталкивал его через рот белым паром.

– Ты меня не дослушал. Я твой Разум.

– Разум? – спросил Али, задыхаясь. – Мой Разум, значит... И это не глюки и не бес... – И тут он выпрямился и расхохотался:– С ума сойти!

Он уперся руками в бока, глубоко вздохнул и – рванул в другую сторону.

– Сейчас пройдет, – говорил он себе, пробегая между домами. Пару минут спустя, задыхаясь, он остановился снова и спросил: – Ты здесь? – но в ответ прозвучала тишина. «Вот и все, вот и прошло», – подумал он и стал возвращаться к себе на квартиру. Ног он уже не чувствовал. Но как только Али подошел к своему подъезду, Голос произнес: «Если ты меня не выслушаешь, то так и будешь бегать всю ночь, пока не замерзнешь до смерти».

Али на мгновение дернулся было побежать, но потом вдруг остановился и сказал:

– Ладно, пусть будет так... Говори... Кто ты? Что за Разум? Почему я тебя слышу, но не вижу?

–Я все объясню в квартире. А сейчас зайди поскорее, а то замерзнешь.

– Радует, что хотя бы заботаешься о моем состоянии.

Поднимаясь в лифте, Али спросил:

–Эй, ты еще здесь?

–Конечно здесь, я всегда с тобой, – спокойно сказал невидимый голос.

–Что за черт...

–Не черт, а твой Разум.

–Все равно какая-то чертовщина.

Али зашел к себе в квартиру, закрыл дверь и сел на то самое кресло, с которого он вскочил, услышав голос.

–Ну, я слушаю тебя, мой Разум. Говори!

–Что именно ты хочешь узнать?

–Я тебе уже говорил, что я хочу узнать, и если ты мой Разум, то должен знать, чего мне надобно знать. Ты же читаешь мои мысли.

–Я уже говорил, что я твой Разум. И ты можешь меня не только слышать, но и видеть.

–Как это– видеть? Ты что, можешь и материализоваться?

–Почти.

–Что значит «почти»?

В это же мгновение перед Али появился полупрозрачный силуэт молодого мужчины среднего роста, примерно одного возраста с Али, который сказал:

–Вот это и значит «почти».

Али снова, в ошеломленном бешенстве, вскочил с кресла, но, однако, убежать не стал.

–Да ты же джинн! – воскликнул он с изумлением.

–Нет, Али. Я твой чистый Разум. Понимаю, тебе сложно это принять, но это так. Я твое порождение, то, что ты в себе развивал со дня своего рождения. Ни одного мига ты не прожил без меня, я – это часть тебя. И поэтому ты слишком больших объяснений от меня не жди. Но то, что ты можешь меня видеть и слышать – в этом заключается твоя особая привилегия. Скажем так, исключительное право. Ты слишком много времени мне уделял, ты довел меня до определенного состояния совершенства, вот мне и дано право в таком виде на время помогать и сопровождать тебя по жизни. Всего сейчас не объяснишь, да ты и не поймешь все сразу. Понимание придет лишь со временем. Пока могу сказать лишь то, что я тебе не наврежу.

–Ну ладно, – сказал Али. – Не говорите ничего, дайте оценить ситуацию. – Он сел, закрыл лицо ладонями и стал анализировать происходящее. Он думал, не выпил ли он случайно какую-то дрянь, не было ли в его ужине в кафе с друзьями чего-нибудь подмешано в еду и питье... Наркотик или еще что-нибудь. Он никогда не принимал психотропных веществ, но знал из рассказов и фильмов, что после их принятия бывают галлюцинации. Но потом он подумал, что если бы что-либо и было кем-то зачем-то примешано к их еде, то действие началось бы ранее. Да и не мог бы он сейчас так сидеть и анализировать происходящее – его Разум не был бы к этому пригоден. «И как же мне холодно...» Он только сейчас заметил, что промерз и судорожно дрожит от холода, ввевшегося в его тело за то время, что он выбежал из квартиры. Но потом Али вдруг обратил внимание на воцарившуюся в комнате тишину. Подумав: «Прошло», он убрал руки с лица и открыл глаза.

– Черт! – крикнул он дрожащим от холода, удивления и страха голосом, увидев Разум, молча стоящими перед собой.

– Лучше спрашивай, что хочешь, – сказала полупрозрачный человек. – А то, знаешь ли, одними думами о том, кто я, ты ничего не поймешь. И достань плед из шкафа и завернись в него.

Али как ненормальный бросился к шкафу, взял плед, укутался в него и сел обратно в кресло.

– Хорошо, – сказал он, пытаясь успокоиться. – Ты о какой-то помощи говорил... Что ты пришел, чтобы мне в чем-то помочь, хоть я и не нуждаюсь ни в какой помощи. Так вот, скажи мне, чем лично ты можешь мне помочь? И вообще, если ты мой Разум, то с помощью какого Разума я веду с тобой общение? Ведь если ты сидишь предо мной, то я, по логике, должен быть неразумным существом, разве не так?

–Каким Разумом ты мыслишь, если я, твой Разум, стою перед тобой? Очень просто: я лишь проекция твоего Разума, его материализовавшееся отражение. А что касается того, чем я могу тебе помочь, отвечаю: тем, что ты слышишь меня в чистом виде. Видишь ли, я не обременен ни страстями, ни сомнениями, ни страхами, ни чувствами, и поэтому мой голос звучит ясно и чисто. Но разве так я звучал, когда находился в тебе ранее? Все другие голоса и чувства, говорившие в тебе, заглушали мои слова, и ты порою и вовсе меня не слышал– или слышал, но под воздействием других субстанций игнорировал.

–Я всегда прислушиваюсь к голосу своего Разума, если нахожу его доводы убедительными, – конвульсивно стуча зубами, с трудом выдал Али.

– Неужели? – иронично заметил Разум. – А как же та девушка из твоей группы, на пустое изучение которой ты меня напрягаешь уже третий день?

– Так это был ты!.. Я так и знал, что это было наяву... Ну что ж, я просто пытался понять человека! Это называется иметь пытливым ум, быть любознательным. И только благодаря этому своему качеству я тебя и довел, как ты сказал, до некоторого совершенства. – Али говорил заикаясь и дрожа.

– Зачем познавать то, что лишено смысла и пользы? В мире есть много вещей, более достойных того, чтобы их познавать и изучать. А что касается этой девушки, то она тебе просто понравилась внешне, и ты тупо решил меня использовать в угоду своим страстям. Изучить девушку, чтобы, так сказать, умнее к ней подкатить и блеснуть своими познаниями в области ее натуры.

Пока Разум говорил, Али, приятно согретый теплым пледом после сильного охлаждения и морально успокоившийся после сильного психологического потрясения, как-то расслабился и незаметно уснул. Заметив это, Разум подошел к нему поближе и стал настойчиво просить его лечь в постель. Али в ответ что-то невнятно пробормотал, потом недовольно, в полусонном состоянии, поднялся, проковылял к кровати и прилег

4

Слишком быстро, без снов, без тяжелого пробуждения от тревожного звона будильника, который Али не успел поставить, тепло и приятно прошла эта ночь. Густые лучи зимнего солнца, значительно поднявшегося над горизонтом, разливали светло-голубые краски по безоблачно чистому небосводу и проливались в его комнату, ярко освещая все ее уголки. За окном слышалась бурлящая жизнь города: голоса людей, сигналы, звуки моторов и визг колес автомобилей. Насытившись сном, Али медленно, щурясь, приподнял веки сначала одного глаза, а потом и второго. И к нему стали приходить мысли, одна за другой, в следующей последовательности: «Какой же сегодня день?.. Ах да, четверг... значит, мне надо в университет... А не опоздал ли я?.. Сейчас приподнимусь и посмотрю на часы (для этого ему нужно было повернуть голову – часы висели на стене на другой стороне)... Что это вчера было?.. Но вчера же что-то было?.. Ах да, мне приснился какой-то полупрозрачный человек... Ну и сон! А зачем я этот плед достал?.. Надо повернуться и на часы взглянуть... Сейчас повернусь...» Он снова закрыл глаза и мысленно сказал еще раз: «Сейчас повернусь».

– Удивляюсь способности людей так бездарно и долго использовать свой Разум и время в тех случаях, когда для достижения желаемого достаточно приложить немного усилий, – из-за спины Али донесся знакомый голос. Это был Разум.

– Нет, – сказал Али, открыв глаза и не шевелясь, – нет! Это мне только послышалось! Это не ты, Разум! Ты был всего лишь в моем сне! И я не сумасшедший! Все было только во сне!

– Ну вот, опять! – в спокойном возмущении произнес Разум. – Опять ты напрасно трастишь время и силы мысли на то, чтобы в чем-то себя убедить, вместо того, чтобы просто повернуться и найти ответы на все свои вопросы, что ты себе задал в течение последних пары минут: узнать, который час, не опоздал ли ты в университет и что я – настоящий.

Али полежал так некоторое время, глубоко вздохнул, а затем сказал:

– Хорошо! Только ты исчезни, ладно? Ну, залезайте обратно ко мне или куда это ты там деваешься. Не хочу, чтобы день начался с того, чтобы первым, что я в нем увижу, был мой собственный... Ну, ты меня понял.

– Как скажешь, хозяин, – услышал он в ответ.

Али быстро повернулся, но там уже никого не было. Он поднял взгляд к висящим на стене часам: восемь тридцать. До начала занятий оставалось полчаса. Резко вскочив с постели, он умылся, оделся и вышел.

На пару Али явился с опозданием на пятнадцать минут. Когда он зашел в свою аудиторию, преподаватель, Светлана Александровна, увлеченно рассказывавшая об особенностях

экономического развития Китая и Японии, приостановилась, недовольно посмотрела на него поверх очков, слабо ответила на его приветствие и, когда Али сел за свою парту, продолжила читать лекцию.

Вынимая из сумки тетрадь и ручку, он успел несколько раз бросить короткие взгляды в сторону той новенькой, Ани. «Ну вот, опять началось», – послышался ему откуда-то изнутри голос РАЗУМА. «Ты, – продолжил голос, – лучше акцентируй свое внимание на лекции. В этом больше пользы для тебя, нежели в этой особе... Видишь, как Виталий внимательно слушает и усердно записывает, боясь пропустить и одно слово». – «Ой, да брось, – сказал тихо Али. – Тоже мне, нашел кого в пример ставить. Этот замкнутый идиот погубит свою жизнь, проведя ее в скучно-серых днях и ночах, в компании ручки, книг и тетрадей». – «Не факт, – отвечал Разум. – Самая большая умственная работа, как правило, происходит в головах тихих и, на первый взгляд, неприметных людей. Их грандиозный, незаурядный ум, сокрытый за ширмой тривиально-чуждых повадок, спокойно работает и творит в своей самой природой хорошо замаскированной мастерской... Если, конечно, они и в самом деле не идиоты».

– Не пойму, – сказал Али, – где и в какой период жизни мне могут понадобиться знания о специфике экономического развития Китая и Японии?

Когда Разум, отвечая на вопрос, начал излагать свои суждения, Али начал испытывать странные ощущения. Словно он, все еще находясь в собственном сне, вдруг осознал его бредовость. Реальность, в которой он спокойно беседует с собственным Разумом, показалась ему слишком дикой, ненормальной и пугающей. «Замолчи!» – закричал он с отчаянной яростью, разрывая в тишине спокойно звучавший голос лектора. Через мгновение он поймал на себе огромное количество одинаково удивленных взглядов, в том числе взгляды новенькой и Светланы Александровны.

Растерявшись в первые секунды, он быстро взял себя в руки и, схватив лежащий перед собой мобильник, сказал: «Извините, это я в телефон», взял свои вещи и вышел. Быстро идя по коридору к выходу, он начал растерянно приговаривать: «Да что это со мной такое происходит» Он вышел к большому проспекту. Обильные потоки машин разезжали по асфальту, а на тротуаре, по которому он зашагал, суетливо, в оба направления шли толпы разношерстных людей.

– Али, – обратился к нему Разум, появившись справа от него, через полупрозрачную материю которого свободно проходили люди, – взгляни на этих людей... Да не упрямясь ты! Подними глаза и посмотри на них!

Али поднял сердитый взгляд с земли перед собой, куда так настойчиво смотрел, и взглянул на людей вокруг.

– Что ты видишь? – спросил Разум.

– А что я должен видеть? Я вижу разных людей, которые идут по своим делам!

–И больше ничего? – Спросил Разум.

– Нет, и больше ничего!

– И это говорит человек, который любит наблюдать за людьми и изучать их.

– Я не брал в таких масштабах.

– Вот и зря. Чтобы что-то понять, надо побывать внутри объекта познания, хотя бы мысленно. Окупись в эту толпу, прислушайся к их словам.

Али замедлил ход и посмотрел на двигающихся людей. Он видел мужчин и женщин, различных по возрасту, росту, походке и мимике лиц; одетых в разные одежды и по-разному выглядящие; видел, как они смотрят, улавливал напряженность взглядов, жестикуюляции рук. По мере того как он, отвлекаясь от цельного наблюдения толпы, фиксировал внимание взгляда, мысли и слуха на конкретных людях, вся толпа, казавшаяся единой движущейся массой, вдруг стала расщепляться на частицы людей. И вот из общего гудения толпы начали различаться конкретные голоса отдельных людей, которые затем в последний момент, когда они подходили

близко, равнялись с Али и проходили дальше, превращались в отрывки понятных слов с прерванной нитью мысли.

Первыми его внимание привлекли две девушки, идущие ему навстречу. Одна была в шубе, другая – в пальто. Обе в кожаных сапогах на высоких каблуках. Та, что в пальто, слегка склонив голову к подруге, в забавной улыбке изображая неподдельный интерес, внимательно слушала ее рассказ. Другая же, несомненно лучше выглядевшая своей спутницы, говорила напряженно, но весело. Когда они поравнялись с Али, он услышал лишь «...На что я ему отвечаю...», и слова опять растворились в гуще других голосов. Затем он обратил внимание на мужчину, под расстегнутой дубленкой которого виднелись жилет, белая рубашка и галстук. В одной руке он держал дипломат, а в другой – телефон, по которому что-то спокойно говорил, приложив его к уху. Но до того как мужчина этот приблизился, из-за спины Али выскочил какой-то парень, также общаясь по телефону, но только в наушниках. И слух Али резко поймал такие его слова: «...Я рад, дорогая, что тебе понравилось...»– и его слова, уносимые быстрой походкой своего хозяина, внезапно исчезли. В этот момент тот мужчина в дубленке поравнялся с Али, после чего его слух уловил слова, так спокойно произносимые этим помпезным господином: «...Это, несомненно, выгодное дело...». Затем прошли два школьника, которые говорили о новой версии какой-то компьютерной игры. За ними последовали две старушки, одна из которых делилась рецептом народной медицины. Потом были те, которые рассказывали о машинах, музыке, фильмах, вечеринках, отдыхе. Потом снова девушки, говорящие о парнях или с парнями, и парни, говорящие с девушками или о девушках. Также до него доносилась речь о работе, деньгах и бизнесе; слышалась клевета, какие-то обидные слова, ругань. В какой-то момент все смешалось: разные эмоции, мимики, шепоты, слова – десятки и десятки различных лиц, взглядов и тем разговоров.

– Ну так что же ты наблюдаешь, Али? – вдруг спросил Разум, прерывая этот конгломерат разных голосов, интересов и мимики. – О чем они говорят? Что их интересует? Что их объединяет? Разве не удовольствие и выгода, а? Деньги, противоположный пол и развлечения! Говорят разные люди, разных социальных слоев. Но это не плюрализм интересов, нет! Это различные пути, ведущие к одному и тому же результату: удовольствие и выгода. Ты ведь любишь изучать людей. Так вот в этом и состоит вся их суть, основа и цель в этом мире. Хочешь добиться высокого положения среди них – имей то, что они ценят, и тогда ты будешь значим среди них. Люди разные, но ценности в основе у всех одни и те же. Особенности и свойства людей не подчинены времени и веками остаются неизменными. И сегодня среди людей ты обнаружишь те же лабрюйеровские порочные «Характеры»: тщеславие, глупость, наивность, страсти и властолюбие. Не трать понапрасну свою энергию на поиски и попытки познать ядро человеческой природы, ибо внутри каждого человека за внешней оболочкой кажущейся сложности и уникальности скрываются банальные желания и устремления.

– Неужели в мире нет места для благодетели? – спросил Али.

– То, о чем ты говоришь, приятно описывать в книгах и показывать в фильмах. Благодетель среди людей – как хорошая и добрая сказка, читаемая на ночь ребенку: это успокаивает и вселяет в человека радужную уверенность в том, что он хороший. Но в жизни людям этого не надо. Это нужно лишь для того, чтобы спокойно уснуть, понимаешь? А наяву люди хотят того, что доставляет им пользу и удовольствие

– Люди редкой породы и в благородном проявлении находят предмет душевного удовольствия и истинной радости, – сказал Али. – Разнятся дарующие радость и доставляющие удовольствие поступки.

– Ты говоришь о том малом, мизерном и очень редком типе людей, которые находят утешение в том, чтобы делать добро.

Этот диалог о качествах людей продолжался до тех пор, пока Али не дошел до своего дома. Он был настолько увлечен беседой с Разумом, что и не заметил, как прошел этот путь.

Когда он пришел в себя, а случилось это тогда, когда он заметил огромный рекламный щит, находящийся недалеко от станции метро возле его дома, то рядом с собой уже никого не обнаружил. Он остановился возле своего подъезда и стоял как контуженный... С одной стороны, ему хотелось зайти, лечь спать и все забыть, а с другой – прогуляться, развеяться. Его голова была настолько забита тем диалогом в ходе незаметно пройденного пути, что ему просто хотелось уйти от всего. Постояв некоторое время как в гипнозе, он все же решил зайти. Для прогулок он слишком устал. Пройдя на кухню, Али достал стакан с полки шкафа, наполнил его водой, все еще пребывая в состоянии растерянности, сделал пару глотков. Затем, тяжело шагая, он прошел в ту единственную комнату, служащую ему и спальней, и рабочим кабинетом, и грузно опустился в кресло возле маленького журнального столика. Он был обессилен и внутренне потрясен. Али так сидел с минут десять. Потом веки его глаз как-то незаметно опустились, но мысли все еще крутились в голове.

– Не стоит слишком удивляться, – спокойно произнес Разум, которого Али, открыв глаза, увидел сидящим в кресле напротив себя. – Ты сегодня услышал то, что звучало в тебе и раньше. Внутренний диалог вылез наружу... Только сегодня это было по-другому: сегодня это звучало ясно и со стороны. Именно это тебя и пугнуло.

– Когда думаешь об этом – это одно, но когда твои мысли звучат вот так, со стороны...

Разум улыбнулся и сказал:

– Все люди такие, Али, все!

– Боюсь, мне и жизни не хватит все это осмыслить... Я в растерянности... Кто ты? Зачем это все? Что это было? Кто вообще я сам? Хочу это понять и в то же время понимаю свое бессилие... От этих нагрузок мой мозг напрягается до предела, будто сейчас моя голова лопнет. Я не понимаю, в каком измерении я нахожусь, в реальном ли я мире или это мои фантазии. Реальны ли эти фантазии или это фантазии в фантазиях? И вообще, реален ли я сам?.. Может, это сон и я сейчас проснусь? Но ясно вижу, что не сон.

– Как видишь, ты в очередной раз убедился в том, насколько слаб человек. Ты ведь думал об этом раньше. Достаточно внести в его жизнь что-то необычное, чтобы загнать в тупик его рассудок и рассыпать, словно песочное строение, все тысячелетиями человечеством возводимые здания науки и совершенство логической деятельности... А ведь эти достижения людям кажутся монолитными и непоколебимыми... Али, не все, что есть, поддается человеческому пониманию. В таких случаях не надо пытаться понять само явление, куда Разумнее постараться извлечь из него пользу, какую явление это может принести тебе или другим.

Али снова закрыл глаза. В нем не осталось силы слушать далее или что-либо спрашивать самому. Резко провалившись в яму сна, он уже во сне вспомнил о реальности и, чтобы удостовериться, что реальность его на самом деле была такой, проснулся и открыл глаза. В комнате была тишина, а кресло напротив было пустым. Разум исчез.

Затем лег в постель и тут же заснул.

5

На другой день Али решил пойти в книжный магазин. Ему теперь многое хотелось понять. К тому же, он надеялся, что книги, которые с некоторых пор стали для него своего рода эскапизмом, и на этот раз помогут ему отвлечься от этой поразительной реальности его жизни.

Но Разум и не думал от него отстать. Когда Али начал прохаживаться по различным отделам литературы, рядом с ним, к его огромному неудовольствию, появилась его полупрозрачная сущность, неугомонно советуя брать, или же, напротив, не брать ту или иную книгу. Раздражение в Али все нарастало, и он попросил эту субстанцию хотя бы здесь оставить его в покое.

Тогда Разум начал в отрыве от Али бродить вдоль стеллажей, громко выкрикивая названия книг:

–Али, ты только вслушайся в эти названия: «На третий день она твоя», «Постель – как желанный итог...» – М-да уже... «Сто лучших советов для ведения успешного дела», «Быстрая

карьеру», «Как расположить к себе руководителя»... О, смотри, тут и «Мысли» страдальца из Пор-Рояля... Ты, так и не дочитав, отнес эту книгу в библиотеку, помнишь? Вовенарг и Ларошфуко тоже хороши...

Разум, перешедший сейчас, судя по всему, в отдел «Философия», продолжал спокойно прохаживаться вдоль книжных полок и негромко читать названия книг.

Если не считать этих выкриков, которые слышал только Али, то в магазине царил мертвая тишина. Несколько людей смотрели книги, медленно продвигаясь по рядам. Продавщица – тучная женщина в очках – молча сидела за кассой, глазами читая какую-то книжку.

Али, уже доведенный до крайней степени раздражения, не мог сосредоточиться и спокойно просмотреть книги. Быстро передвигаясь по рядам тематических отделов, он, пытаясь не кричать, в бешеном напряжении шипя, непрестанно велел Разуму заткнуться и исчезнуть. Порою его цедающее сквозь зубы шипение было настолько громким, а движения такими резкими, что женщина на кассе пару раз отрывалась от чтения и пристально смотрела на него поверх очков, спущенных с переносицы до кончика носа. А в конце даже спросила: «Вам помочь, молодой человек?» Али вежливо улыбнулся, поблагодарил и сказал, что помощь ему не нужна.

– Ты бы хоть наушники надел, – сказал Разум, не отрываясь от книг, названия которых он продолжал читать, заложив руки за спину. – А то, чего доброго, за идиота еще сочтут.

– Это их проблемы, – тихо сказал Али, но в одно ухо наушник все же вставил.

В итоге Али стоял на кассе с дюжиной книг в руках: чтобы заткнуть рот этой своей внутренней личности, на его беду вылезшей наружу, он решил прислушаться к ее советам, и взял все те книги, которые она ему порекомендовала.

Но, однако, этим дело не кончилось.

Когда он, с безучастным взглядом смотря перед собой в пространство, сидел в вагоне метро, положив пакет с кучей книг себе на колени, Разум, появившись рядом, сказал:

– Твоя голова забита думами тяжеловесными.

– Не лезь в мою голову, – Али недовольно отвернулся в другую сторону.

– Отчасти я и есть твоя голова, так что, ты уж извини, не быть собою я не могу.

– Тогда сиди без комментариев.

– Удовлетворение желания дает минутное облегчение телу и на короткий миг умиротворяет сознание. Но спустя некоторое время происходит новый прилив гнетущей тоски, и для каждого последующего ее подавления требуется большая, чем в предыдущий раз, доза наслаждения. Так что это не решение проблемы, а всего лишь кратковременный обман, понемногу губящий человека.

В этот момент поезд метро притормозил на одной из станций, двери вагона распахнулись: одни пассажиры вышли, другие зашли. Среди зашедших была одна довольно габаритная женщина, которая, пыхтя, устремилась на свободное место рядом с Али. Правда, свободным это место было условно – там сидел Разум. Когда толстушка наклонилась и стала, выпятив свой зад, присаживаться, Разум успел лишь выдать: «О нет!» И через мгновение женщина уже сидела в полупрозрачном Разуме, вернее Разум, значительно уступая даме в параметрах, оказался сидящим в ней.

– Вот всегда вы так, люди... Толстой тупой задницей давите Разум, – сказал он недовольно и привстал.

– Но в чем причина этой тоски? – спросил Али.

– То чувство опустошенности, беспредметного внутреннего терзания и состояние отчужденного одиночества, что находит на человека в минуты уединения, когда стихает хаос жизни или яркость дня, – есть следствие пустоты душевно-духовной; именно этот внутренний вакуум, даже при полном внешнем благополучии, не позволяет человеку в умиротворенной гармонии,

в мире с собою и остальными, счастливо жить на белом свете. Не трудности омрачают жизнь, а неправильность ее проживания и ложное представление о ее смысле.

Али больше ничего не сказал.

Поднявшись к себе, он положил книги на письменный стол, отошел немножко и плашмя повалился на кровать.

Всю последующую неделю Али провел в каком-то забытийно-депрессивном состоянии. Похудел на несколько килограммов. На занятия в университете являлся с опозданиями. Он не мог ни на чем сосредоточиться, не читал и не учил лекции. Короче, с той поры, когда он босиком выбежал на улицу жизнь его походила на прозябание пьяного человека: много и отвратительно спал и мало что соображал.

Однажды, проснувшись, он присел на кровати и увидел сидевшего на кресле Разума.

– О нет! Каждый раз, просыпаясь, я надеюсь на то, что ты – всего лишь сон... И бывает очень неприятно убеждаться в обратном.

Разум ничего не ответил.

– А почему, – спросил Али, – ты в облике молодого мужчины? Почему не существо неопределенной формы?

– Если я и в таком виде тебя пугаю... ну, или раздражаю, то что было бы, будь я иного вида. Молодой – потому что и ты молод. Был бы ты стариком, я тоже был бы стар.

– Так ты и в самом деле мой Разум?

– Я есть твое свойство, твоя обнаженная личность, сущность, рациональная часть тебя, твоя ипостась – называй меня как хочешь.

Али зевнул, подвинулся к спинке кровати и прислонился к ней спиной.

– Ты сказал, что твоя цель – это помочь мне.

– Да, так и есть.

– Но, как видишь, ты мне лишь мешаешь. С тех пор как мы... встретились, я похожу на живого мертвеца. У меня все в прямом смысле этого слова катится к черту. Ты нарушил привычный ход моей жизни, внес сумятицу в мое размеренное бытие. До того как ты появился, я хоть к чему-то шел. А сейчас я не то что не знаю, куда идти, я даже не имею никакого желания идти. Ну так где же и в чем эта помощь?

– М-да уж, не жив, не мертв, не на земле и не на небе, – произнес Разум тоном, которым декламируют стихи, проигнорировав вопрос. – Честно говоря, я предвидел это твое состояние невесомости. Но немножко ошибся в расчетах: думал, что придешь в себя дня через два-три, а ты и неделю спустя не можешь оклематься. Ты просто не можешь смириться с противоречивостью своего внутреннего мира. Ведь это похоже не просто на раздвоение личности – о нет! Здесь все намного сложнее... Так и с ума сойти недалеко, правда? – На лице Разума появилась ироническая ухмылка. – Ладно, поговорим серьезно. С ума ты, конечно, не сойдешь. А вот...

– А может, я уже сошел? – резко спросил Али.

– Нет, я не галлюцинация, я реальность. Правда, реален я лишь для тебя.

– У сумасшедших тоже своя реальность.

– Нет, их реальность – это выдумка психически нездорового сознания. А ты абсолютно здоров.

– И это мне говорит какое-то полупрозрачное существо, сидящее напротив меня и называющее себя моим Разумом... Очень убедительно!

– Со временем ты сам все поймешь, – сказал Разум. – А что касается твоего состояния и той пользы, которую я могу тебе принести... Скажи, если бы какому-то деревенскому парню дали сразу столько знаний, сколько было у всех ученых прошлого, как думаешь, в каком состоянии он пребывал бы?

– Думаю, что ему было бы очень дурно. Но к чему ты клонишь? Я ведь не получил этих знаний?

–Ты так думаешь? Ты получил возможность познать суть человека таким способом, о котором все эти ученые могли только мечтать. Открой глаза шире, Али! Взгляни на все это со стороны. Встань, встряхни голову и начни действовать. У тебя есть возможность найти ответы на многие вопросы, познать то, что ты так давно желал познать, заглянуть в те глубины, куда никто не мог и не может заглянуть. Как много отдали бы антропологи, философы, психологи и многие другие, чтобы иметь ту возможность, которой ты обладаешь, но не ценишь. Не бойся себя! Посмотри на это как бы со стороны, делай выводы. Лепи себя, воспитывай, куй! Ты не законченный продукт – ты все еще можешь себя совершенствовать!

– Я хочу жрать!

– В смысле?– спросил Разум.

– Кушать я хочу! Чего тут непонятного?

–О! Это хорошо... очень даже хорошо!

Когда у человека аппетит пропадает из-за душевных переживаний, а потом, спустя какое-то время, причина переживаний проходит и к внутренне омраченному его миру начинают пробиваться светлые лучи спокойствия и умиротворения, хотя бы немножко рассеивающие предмет потрясений, то человек первым делом ощущает голод. Натуральный, здоровый, физический голод.

Примерно это и случилось с Али.

В ходе обысков на кухне обнаружилось, что еды у него нет: холодильник и кухонный шкаф были пустыми. Везде валялись опорожненные бутылки из-под разных соков, энергетических напитков и простой воды.

6

–Приятного аппетита,– сказала официантка, поставив на стол, устланный разными кушаньями последнее блюдо.

Али сидел в закуской неподалеку.

–Это какое-то чрезмерное чревоугодие, – укоризненно сказал Разум. – Зачем так много брать? Все равно ведь все не осилишь.

– Отвали! Я голоден!

– Прием пищи в таком количестве навредит твоему здоровью, прибавит лишние килограммы и испортит форму тела. Ты станешь толстым, ленивым уродом, который ничего стоящего в этом мире не добьется, – не унимался Разум, но потом добавил: – Ладно, шучу. В виде исключения можно.

Чем больше Али кушал, тем живее и задорнее он становился. К нему возвращались какие-то не совсем здоровые психические силы, приправленные жаждой поддевки и сарказма. То унылое, ступорозное состояние, овладевшее им в последнее время, резко сменилось какой-то болезненной активностью.

– Ну, что ты замолчал? – обратился он к Разуму, запивая чаем в очередной раз проглоченную порцию еды. – Ты же Разум! Скажи что-нибудь умное! Порази остротой мысли!

–Хочешь жрать – жри. Только жри молча или говори потише. Не забывай, для этих людей ты здесь один сидишь.

–Ха-ха-ха! Я тебя спросил не о мнении людей...А может, мне опять наушники в ухо сунуть, чтобы они подумали, что я с кем-нибудь из реальных болтаю, а?! Это ведь ты мне сегодня утром подсказал такой приемчик. И вообще, какого черта тебя волнует мнение людей?

–Я не заинтересован испортить твою жизнь, если ты не забыл.

–О, какая забота! Да ты не Разум, ты мама!

Произнеся слово «мама», он на миг осекся, ноздри вздулись, а глаза мгновенно увлажнились. Это еще больше прибавило в нем раздраженного задора, и он обратился к людям, которые уже настороженно наблюдали за ним, побросав свои вилки, ложки и ножи.

–Люди! Скажите мне, а вас беспокоит ваш Разум? Донимает он вас, говоря, что хочет вам помочь? А меня донимает! Вот он, – он указал на место рядом с собой, – мой Разум. Смотрит на меня так недоволено. Только вы его не видите и не можете с ним говорить! А я вот могу. Более того...

Официантка, которая приносила ему еду на подносе, некоторое время понаблюдав эту сцену, направилась к заведующему. Постучавшись, она вошла:

–Извините, Олег Васильевич, там один посетитель ведет себя как-то странно.

–Что случилось?

–Не знаю, он громко разговаривает сам с собой, потом обращается к другим клиентам. Сейчас там все разбегутся.

–Пьян, что ли?

–Да вроде нет. У нас он спиртного не заказывал, да и вел себя вначале как-то прилично.

–Хорошо, я разберусь. А вы занимайтесь своими делами.

Когда заведующий вошел в зал, Али всю разошелся. У кого-то на лице отражалось удивление, у кого-то сочувствие, у одних недовольство, у других улыбка.

–Извините, с вами все в порядке? – вежливо обратился к нему подошедший Олег Васильевич.

–Да, я в полном здравии... может быть. Но не пьян, это точно!

–Прошу прощения, но вы своим поведением пугаете наших посетите...

–Это их проблемы, – оборвал его Али. – Впрочем, я уже ухожу.

Затем он рассчитался и вышел. Тут же взяв такси, он поехал в свое меблированное логово. Войдя к себе, Али плюхнулся в кресло. Он находился в том состоянии, когда на него находила тоска одиночества. Он вспомнил о прошлом. Слово «мама», как бы случайно вырвавшееся у него в кафе, так и не выходило у него из головы, и теперь он мог свободно предаться тем тяжелым воспоминаниям из детства, сопряженным с этим словом. «Мама», – сказал он тихо, и в сердце что-то раздалось. В памяти сотый, тысячный раз всплывала одна и та же картина.

7

Когда в конце 1994 года началась первая российско-чеченская война, семья Али переехала в их родовое селение Урус-Мартан (хотя селение это и имело статус города, оно по внешним признакам и образу жизни его жителей все же походило на большое село), которое позже было объявлено «договорным», или «мирным», то есть свободным от войны. К концу зимы, после тяжелейших боев и многих провальных атак федералов, в ходе которых Грозный был практически полностью разрушен, город, наконец, был занят российскими войсками, а группы чеченской повстанческой армии отошли в горные и предгорные районы и селения, где и продолжались дальнейшие военные действия. Мирное население, в числе которого была и семья Али, к началу весны потянулось в город. Они поселились в одной-единственной уцелевшей комнате. Пока отец семейства восстанавливал остаток дома, мать, Мадина, еще задолго до начала войны работавшая педиатром в районной детской поликлинике, устроилась на прежнее место работы. Периферийно шли бои, заключались перемирия, проводились переговоры между чеченскими и российскими сторонами; в боях разрушенном Грозном проходил процесс налаживания жизни при новой власти. На дворе был уже 1996 год. Мать каждый день, возвращаясь с работы, готовила ужин, убирала посуду, стирала, а потом садилась с сыном учить буквы и писать по прописям. В сентябре Али нужно было пойти в школу в первый класс, и поэтому она спешила подготовить сына, потому что за два года военной суматохи Али очень сильно отставал. Она уже купила ему школьную форму, в которую по вечерам часто наряжала, чтобы полюбоваться им. «Мама, – говорил Али, – почему ты всегда купаешь меня, а потом надеваешь эту форму, хоть мы никуда и не идем?» – «Потому что, – отвечала Мадина, поправляя воротник его пиджака и зачесывая руками волосы, – хочу видеть, как мой прекрасный мальчик пойдет в первый класс». – «Но ты же все равно это увидишь», – не понимал Али. «А

кто его знает... Даже если и увижу, я хочу видеть тебя снова и снова», – говорила она, обнимая и целуя своего ребенка в макушку.

Ей не суждено было дожить до того дня.

В то время среди мирного населения бродила информация, распространяемая самими ополченцами, что в ближайшее время отряды чеченской обороны планируют проникнуть в город и атаковать позиции федеральных сил. Даже разбрасывались соответствующие листовки. Одни, учитывая довольно успешную мартовскую атаку на город того же года, осуществленную ополченцами, поверили и вторично покинули Грозный, а другие, к числу которых принадлежала и семья Али, решили остаться, сочтя данную информацию безосновательным слухом. К принятию такого решения способствовало также и российское телевидение, по новостям которого русские генералы заявляли, что чеченское сопротивление полностью разгромлено и что в горах идет процесс «добывания» остатков вражеских сил.

Меньше чем через месяц после этого, 6 августа 1996 года, группы чеченских ополченцев количеством примерно в одну тысячу человек прорвались в город с разных сторон... и начались полномасштабные военные действия. Грозный в очередной раз был объят интенсивными уличными боями. Все посты и укрепления российских военных были заблокированы и атакованы. В разных частях города полыхала подбитая военная техника.

Али ясно помнил это звучное колебание войны: шипение низколетающих докрасна накалившихся пуль, затяжное посвистывание, словно повисших в воздухе, снарядов, гулкое эхо достигших цели бомб, треск автоматного-пулеметных очередей, рокот реактивных двигателей истребителей, идущих в пикет для ракетно-бомбовых ударов, и многое другое. Земля и все строения относительно небольшого города содрогались от глубинных бомб, ракет и снарядов так, как содрогается тело живого человека, по которому наносятся удары дубинкой.

Отец Али, Ибрагим, в это время испытывал сильное недомогание из-за пищевого отравления, полученного накануне вечером. Он лежал в постели с повышенной температурой, в бессильном раздражении пытаясь добиться того, чтобы Мадина оставила его в покое и пошла в укрытие, взяв с собой Али. Под конец, когда бомбы начали падать все ближе и ближе, он собрал все силы и накричал на нее, веля делать то, что он ей говорит. Мадина, в которой материнское чувство взяло верх над любовью к супругу, мигом схватила Али и побежала в укрепленный подвал двухэтажного частного дома, находящегося напротив через улицу. Сюда сбегались жители почти со всего квартала, оставшиеся безвыездно в городе. Кругом шли бои, попытаться выйти из города было равнозначно самоубийству. Многие из тех, которые все же рискнули, погибли в пути, попав под обстрел. Поэтому людям не оставалось ничего другого, кроме как ждать в укрытии.

Мадина, держа Али на руках, быстро перебежала через улицу и спустилась по бетонной лестнице в темный подвал. Память слуха Али резко сменилась памятью обоняния и визуальности. Он вспомнил этот сырой, едкий запах, пропитанный сигаретным дымом, пускаемым тремя сидящими у выхода худыми взрослыми мужчинами. «Да опусти ты меня уже на землю, мам», – сказал Али, смущенный тем, что другие видят его, уже довольно взрослого мальчика, на руках матери. Мадина прошла чуть дальше, в другую комнату, и только тогда выпустила из рук Али. Это было довольно обширное помещение, слабо освещаемое с двух противоположных сторон тусклыми лучами керосиновой лампы и свечи. Свеча стояла на правой стороне, между кучки мужчин, играющих в карты. С левой же стороны, где находилась керосиновая лампа, доносились приглушенно звучащие голоса встревоженных женщин, часто делающих замечания своим маленьким детям, которые постоянно чего-то просили, о чем-то спрашивали или играючи спорили между собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.